

Дуэль. Ги де Мопассан

Война кончилась[1], Франция была оккупирована немцами; страна содрогалась, как побежденный борец, прижатый к земле коленом победителя.

Из Парижа, настрадавшегося, наголодавшегося, неутешного, первые поезда медленно шли мимо полей и селений к новым границам. Первые пассажиры смотрели из окон на разоренную местность, на сожженные деревни. У дверей уцелевших домов прусские солдаты, в черных касках с медным острием, курили трубки, сидя верхом на стуле. А некоторые работали или беседовали, как свои люди в семье. В городах целые полки маршировали по площадям, и, несмотря на стук колес, до пассажиров долетали гортанные слова команды.

Г-н Дюбюи, состоявший в национальной гвардии все время, пока длилась осада, теперь ехал за женой и дочерью в Швейцарию, куда отправил их перед оккупацией для безопасности. Голодная, трудная жизнь не отразилась на солидной комплекции преуспевающего мирного коммерсанта. Страшные события он встречал смиренным отчаянием и сетованием на озверение людей. Теперь война кончилась, он ехал к границе и тут впервые видел пруссаков, хотя во время осады честно исполнял свой долг и не раз холодными ночами нес караульную службу на укреплениях.

С испугом и злобой смотрел он на этих вооруженных бородатых людей, расположившихся на французской земле, как у себя дома, и в душе его нарастал бессильный патриотический пыл наряду с новым могучим инстинктом осторожности, который отныне не покидал французов.

В его купе двое англичан-туристов смотрели вокруг спокойным любопытствующим взглядом. Оба они тоже были упитаны, говорили между собой на своем языке, иногда листали и читали вслух путеводитель, чтобы не упустить ни одного достопримечательного места.

Вдруг на остановке в каком-то маленьком городке вошел, громяхая саблей по ступенькам вагона, прусский офицер. Он был высок ростом и затянут в мундир. Борода у него росла от самых глаз и была огненного цвета, а длинные усы, тоном светлее, торчали в обе стороны, пересекая лицо пополам.

Англичане принялись с любопытством разглядывать его, а г-н Дюбюи сделал вид, что читает газету. Он забился в угол купе, точно вор перед жандармами.

Поезд тронулся. Англичане продолжали переговариваться, отыскивать места сражений, и вот, когда один из них указал рукой вдаль, на какую-то деревню, прусский офицер произнес, вытягивая длинные ноги и откидываясь на спинку дивана:

— Я убивал двенадцать француз в эта деревня. Я брал больше сто в плен.

Англичане, живо заинтересовавшись, поспешили спросить:

— О-о! А как называют этот деревня?

— Фарсбур, — отвечал пруссак и продолжал: — Я брал эти шлемы француз за воротник.

При этом он смотрел на Дюбюи, кичливо посмеиваясь в бороду.

А поезд все шел, минуя одно оккупированное селение за другим. Немецкие солдаты виднелись по обочинам дорог, вдоль полей, у шлагбаумов, за столиками кафе. Они усеивали землю, как египетская саранча.

Офицер протянул руку:

— Если бы я имел командование, я брал бы Париж, я бы все сжигал и всех убивал. Франции капут!

Англичане из вежливости ответили кратко:

— О-о!

Он не унимался:

— Через двадцать лет весь Европа, да, весь будет принадлежать нам. Пруссия сильнее всех.

Англичане насторожились и больше не отвечали. Лица их застыли, точно восковые маски, окаймленные бакенбардами. А прусский офицер захохотал. Развалясь на диване, он теперь зубоскалил. Он издевался над раздавленной Францией, над поверженным врагом, издевался над Австрией, побежденной раньше, над отчаянным и тщетным сопротивлением департаментов, над ополчением, над парализованной артиллерией. Он сообщил, что Бисмарк[2] собирается построить железный город из захваченных пушек. И под конец чуть не уперся сапогами в бок г-на Дюбюи; тот сидел весь красный и глядел в сторону.

Англичане, казалось, потеряли интерес к окружающему, как будто вдруг отгородились на своем острове от мирской суеты.

Офицер достал трубку и, глядя в упор на француза, спросил:

— Вы не имеет табак?

— Нет, сударь, — ответил г-н Дюбюи.

— Я вас прошу итти покупать мне табак, когда поезд сделает остановку, — продолжал немец и добавил, захохотав опять: — Я вам тогда давать на чай.

Паровоз засвистел, замедляя ход.

Показались обгоревшие станционные здания. Поезд остановился.

Немец распахнул дверцу и потянул г-на Дюбюи за рукав:

— Идите исполнять мое поручение, скоро, скоро!

Станция была занята немецким отрядом. Другие немецкие солдаты глазели на поезд, толпясь за деревянной загородкой. Паровоз уже свистел, готовясь к отходу. Тогда г-н Дюбюи неожиданно выпрыгнул на перрон и, невзирая на протестующие жесты начальника станции, ринулся в соседнее отделение.

Он был один! Он расстегнул жилет — так у него колотилось сердце, — отер лоб и едва перевел дух.

Поезд снова остановился на какой-то станции. Вдруг в дверь заглянул и вошел в купе офицер, а за ним вскоре, движимые любопытством, последовали оба англичанина. Немец уселся напротив француза и, посмеиваясь, заметил:

— Вы не желаете исполнять мое поручение.

— Да, сударь, — ответил г-н Дюбюи.

Поезд тем временем тронулся.

— Я буду резать вам усы, чтобы набивать моя трубка, — заявил офицер и потянулся к физиономии соседа.

Англичане все так же невозмутимо пристальным взглядом смотрели на происходящее.

Немец успел уже зажать между пальцами несколько волосков, но тут г-н Дюбюи ударом кулака поддал его руку и, схватив его за ворот, швырнул на скамейку. Он не помнил себя, вены на висках вздулись, глаза налились кровью и, продолжая одной рукой душить офицера, другой, сжатой в кулак, он неистово колотил его по лицу. Пруссак отбивался, силился вытащить саблю, обхватить врага. Но г-н Дюбюи навалился на него всей тяжестью своего живота и колотил, колотил без устали, без передышки, не глядя куда бьет. По лицу пруссака текла кровь, он задыхался, хрипел, выплевывал зубы, тщетно стараясь отшвырнуть разъяренного толстяка, спасти свою жизнь.

Англичане встали и подошли ближе, чтобы не упустить ничего. Они смотрели, любопытствуя и радуясь; еще минута, и они держали бы пари — чья возьмет.

Но г-н Дюбюи разом изнемог от такого порыва, поднялся, не говоря ни слова, и сел на место.

Пруссак настолько был испуган, ошеломлен неожиданностью и болью, что даже не бросился на него. Отдышавшись, он изрек:

— Если вы не хотите давать мне удовлетворение на пистолет, я буду вас убивать.

— Я согласен. Когда угодно, — отвечал г-н Дюбюи.

— Это есть город Страсбург, — продолжал немец, — я буду взять два офицера как свидетели, я имею время, пока поезд не уезжалъ.

М-сье Дюбюи пыхтел не хуже паровоза.

— Хотите быть моими секундантами? — спросил он англичан.

Оба ответили вместе:

— O-o! yes[3]!

Поезд остановился.

В один миг пруссак отыскал двух приятелей, те принесли пистолеты, и все отправились на крепостной вал.

Англичане поминутно вынимали часы, ускоряли шаг, торопили с приготовлениями, боясь опоздать к отходу поезда.

Г-н Дюбюи никогда не держал в руках пистолета. Его поставили в двадцати шагах от противника. Его спросили:

— Вы готовы?

Он ответил:

— Да, — и при этом заметил, как один из англичан раскрыл зонтик, чтобы спрятаться от солнца.

Раздалась команда:

— Огонь!

Г-н Дюбюи выстрелил наугад, не дожидаясь; с изумлением увидел он, что пруссак, стоявший напротив него, зашатался, взмахнул руками и, как подкошенный, упал ничком. Г-н Дюбюи убил его.

— О-о! — выкрикнул один из англичан, весь дрожа от восторга, от удовлетворенного любопытства и радостного нетерпения. Второй, тот, что не выпускал из рук часов, схватил г-на Дюбюи за рукав и маршевым шагом поспешил с ним на вокзал.

Первый англичанин твердо отбивал шаг, стиснув кулаки, прижав локти к бокам.

— Раз-два! раз-два!

Все три толстяка бежали в ряд, как три карикатурные фигуры из юмористического журнала.

Поезд трогался. Они вскочили в свой вагон. Только тут англичане сняли дорожные кепи, помахали ими над головой и трижды прокричали:

— Гип, гип, гип, ура!

После этого каждый из них торжественно пожал руку г-ну Дюбюи, а затем оба уселись рядом на своей скамейке.

Примечания

Напечатано в «Голуа» 14 августа 1883 года.

1 Война кончилась. — Речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 годов; перемирие было подписано 28 января 1871 года.

2 Бисмарк (1815—1898) — прусский фельдмаршал и государственный деятель.

3 Yes — да (англ.).